

Древнее мыло Цзаньпо

— В прошлой жизни он был рабом, искусным в варке мыла, — поведал Гвидо после долгой беседы с Шапуком. — О, это поистине редкая удача! Древнее мыло Цзаньпо, что родом из Финсе, всегда ценилось на вес золота. Достать его могли лишь высшие аристократы. Свою рецептуру они оберегали пуще казны: рабов, допущенных к котлам, никогда не отпускали на волю, а чтобы те не сбежали, их метили особым клеймом. Взгляните сами, господин: у него на руке узор розы — истинный знак мастеров Цзаньпо.

Гвидо бесцеремонно засучил рукав мужчины. На предплечье Шапука действительно виднелся старый шрам в форме бутона розы.

Фарфаноэрс, как человек из иного мира, смутно припомнил негласное правило всех попаданцев: мыло, порох и стекло — три столпа прогресса. Но его путь оказался слишком уж неординарным, да и со стеклом в этих краях проблем не наблюдалось...

— Неужели на него такой спрос? — удивился лорд. — Разве в других землях не умеют варить мыло?

— Варят, конечно, — Гвидо обернулся к Шапуку. — Но ни одно не сравнится с Цзаньпо ни нежностью пены, ни благородством аромата. Послушай, человек, ты теперь мёртв. Здесь, если будешь прилежно трудиться, жизнь твоя будет вполне сносной... Ты и сам это видишь. Так к чему теперь хранить чужие тайны? Рассказывай: из чего на самом деле делают это мыло? Обычные куски варят из золы и животного жира. Лучшие мастера берут бараний жир, но даже моим знакомым алхимикам не удавалось добиться такой текстуры, как у финсцев.

Ньери-Шапук до этого момента пребывал в полном смятении. Видит бог, как он дрожал, когда получил приказ явиться к Повелителю! Представьте только: вы умираете и попадаете в руки иноверцев, в самую Преисподнюю... а там обнаруживаете идеальный порядок. Никаких пыток, никакой вечной тьмы — лишь честный труд да еда досыта. Все эти дни Шапук не знал, сомневаться ли ему в реальности происходящего или возносить молитвы. Он уже начал понемногу учить местный язык, надеясь на спокойную жизнь, как вдруг за три дня его дважды вызвали «на ковёр».

Первый раз лорд лишь перебросился с ним парой слов, но теперь от него требовали выдать секрет всей его жизни. Это пугало. Однако Гвидо рассуждал так увлечённо, а Повелитель — или, вернее, его спокойная аура — внушал странную уверенность. Шапуку пообещали: даже если его бывшие хозяева когда-нибудь окажутся здесь, в Преисподней, они будут равны перед законом, и никто не посмеет призвать его к ответу.

Подумать только: несчастный настолько привык к гнёту, что даже после смерти боялся мести господ. Неудивительно, что он выглядел таким забитым.

Тут крылась забавная ирония: сами жители Финсе считали торговлю делом низким и грязным, а потому всеми делами у них заправляли чужеземцы. Получалось, что Шапука, исконного финса, всю жизнь притесняли те, кто даже не пил воду из их родной реки.

— Это правда? — робко переспросил он.

— Истинная правда. Можешь расспросить кого угодно... Впрочем, сперва выучи язык, тогда сам убедишься. Я слов на ветер не бросаю.

— Говори же скорее! — Гвидо едва не подпрыгивал от нетерпения. — Видишь, у старика уже глаза горят?

— Процесс варки... в целом он мало чем отличается от обычного, — начал Шапук, слегка заикаясь. Он и во сне не мог представить, что тайна, которую он оберегал десятилетиями, так легко сорвётся с его губ. Без угроз, без пыток, без страха быть забитым до смерти за предательство. — Масло смешивается с золой. Но жир... вы правы, господин алхимик. Мы никогда не использовали жир коров, овец или свиней. Основой всегда служили оливковое и пальмовое масла.

— Оливковое масло... — пробормотал Гвидо, потирая подбородок. — Ну конечно! Оливковое масло! Финсе славится пальмами, а Великая Фейеполония — оливами! Каждый год Финсе ввозит их тоннами... Все думали, зная просто умащивает ими тела, и они действительно это делают. Но кто бы мог подумать, что главный секрет их мыла кроется в продукте, которого в самой Финсе нет!

Алхимик в возбуждении принялся мерить комнату шагами:

— Истина всегда была на поверхности!

— Затем мы выпариваем морскую воду, добавляем древесную золу и смешиваем с маслами в строгой пропорции, — продолжал Шапук. — Это даёт мылу твёрдость и нежность. А для аромата мы добавляем растёртые плоды лавра... Пропорции я могу записать позже. Мы долго перемешиваем массу, разливаем её в каменном помещении, а когда она остынет — ставим клеймо.

Знак розы. Он красовался на кусках мыла, снискавших славу среди аристократов всего мира, и он же был выжжен на телах сотен рабов. Печальная судьба.

— Слушай, а если я попробую добавить в мыло древесную смолу, как думаешь, получится? — внезапно спросил Гвидо.

Шапук лишь изумлённо разинул рот, но Фарфаноэрс задумчиво кивнул:

— Думаю, это возможно. Кажется, существует хвойное мыло... или что-то в этом роде.

— О, тогда я попробую растворить смолу в мыльной основе... Может, удастся сделать мыло даже из агарового дерева!

— Делай что хочешь, — отмахнулся лорд. — Кстати, Шапук... Верно? С завтрашнего дня переходишь в помощники к Гвидо. Будешь помогать ему с растворами. Работу буду оплачивать честно.

— Я... помощником?

— Именно. Захочешь — купи Деревянные купоны на собственный дом, захочешь — бери обычные расписки.

Фарфаноэрс скрестил руки на груди, глядя куда-то вдаль:

— Забудь о прошлом. Живи по-новому.

Лорд и не подозревал, какую бурю вызовет его мимолётное утешение. Шапук внезапно закрыл лицо руками и зарыдал — громко, навзрыд, без тени предупреждения. Фарфаноэрс лишь удивлённо воззрился на него своими алыми глазами.

«Что это с ним? Кажется, я не сказал ничего обидного...»

Наступили тихие сумерки. У порога стояла корзина с рудой, добытой из ручья. Если присмотреться, на поверхности камней можно было заметить странный отблеск — не то серебристый, не то синеватый. Георг сказал, что это местная порода, и решил прозвать её Синей рудой.

Впрочем, название было делом десятым.

— Ты сам её собрал? — спросил Фарфаноэрс.

— Не всю. Кое-что нашёл в ручьях неподалёку, а остальное принёс Сольдорн — попросил его посматривать по сторонам, когда он на рыбалке.

Сольдорн и его люди были в своём репертуаре: они вечно выуживали из воды всё что угодно, кроме рыбы. По логике вещей, сейчас был самый сезон, но в их сетях чаще оказывался всякий странный хлам.

— Ты думаешь, где-то рядом есть залежи?

— Трудно сказать наверняка. Нужно идти дальше на север и разведывать... Там ещё полно мест, где не ступала нога человека.

На сегодняшний день почти весь инвентарь и инструменты в замке ковались либо из Призраков брэнного мира — одноразового мусора, напоминающего хрупкий пластик, — либо из тех заготовок, что грудями пылились в мастерской. То были жуткие изваяния: двуглавые сирены, мантикоры, уродливые псы, свиньи со змеиными хвостами... Их застывшие взгляды, полные затаённой злобы, казалось, преследовали каждого. Если долго смотреть в эти перекошенные лица, возникало пугающее чувство, будто ты окружён врагами. Кузница располагалась на первом этаже боковой башни. Фарфанозрс помнил, как в первый раз привёл туда Георга: бедный кузнец едва не рухнул на пол от ужаса при виде этих кошмарных изваяний и готов был бежать без оглядки.

Но позже всё это воплощённое зло было переплавлено в ревущем горне, превратившись в простую, добротную сталь с холодным синим блеском. Для Георга это стало моментом истинного триумфа, который поймёт лишь брат по ремеслу. Да, именно ради этого он и стал кузнецом! В тот миг, когда он вновь обрёл власть над разрушением и созиданием — двумя сторонами одной медали, — его мрачное прошлое, казалось, окончательно развеялось в дыму кузницы.

Именно тогда — а может и раньше — Георг окончательно убедился: Фарфанозрс, этот юный с виду господин, не чета прочим демонам.

<http://bllate.org/book/16116/1588835>